

О Леониде Черткове

Леонид Чертков (г. Москва, 1955)

В письме ко мне 1979 года Леонид Чертков¹ писал: «...и вообще занялся бы ты чем-нибудь позначительней (и другие тоже) – сколько можно вылавливать блох в проблематичном серебряном веке. Написал бы что-нибудь и сам. Литература ведь (и не только отечественная) – на последнем издыхании». Забавно было, что, надевая форму литературоведа (а какая у них форма? нарукавники? накладные карманы для выписок?), он забывал о правах и привычках противной стороны. Вскоре после отъезда: «Был в Монтрё у В.В.Н. Мои попытки натолкнуть его на его же лит. генеалогию успеха не имели» (Лёня был одним из двух авторов дуриком проскочившей заметки о Набокове в «Краткой литературной энциклопедии»). «Лужин как информант плох. Впрочем сказал, что его приятель в Берлине был Н.В. Яковлев, который дал ему ряд необычных фамилий, в том числе Чорб».

Леонид Чертков (г. Москва, 1955)

---

¹ Чертков Леонид Натанович (14.12.1933, Москва – 28.06.2000, Кельн). Поэт, прозаик, литературовед, переводчик. Учился в Московском библиотечном институте. В 1957 г. осужден за «антисоветскую пропаганду» (ст. 58, п. 10) на пять лет. Отбывал заключение в мордовском Дубравлаге, где вместе с М. Красильниковым и другими составил рукописные альманахи «Троя» и «Пятиречие». После освобождения в январе 1962 г. жил в Москве, в 1966—1974 гг. в Ленинграде. Учился в Тартуском университете, закончил Ленинградский педагогический институт. В 1974 г. эмигрировал во Францию. Печатал стихи, рассказы и статьи в эмигрантской периодике. Редактировал издания стихов К. Вагинова (Мюнхен, 1982) и В. Нарбута (Париж, 1983). Переводил английских и американских поэтов. С 1980 г. жил в Кёльне.

Перед его отъездом я показал ему свою статью, которую переправлял на Запад и в которой Лёне, вместе с Сашей Морозовым и Гариком Суперфином, выражалась благодарность – «чьи многолетние разыскания только отчасти отразились в опубликованных ими трудах». Он нашел формулировку точной. Она и сейчас точна, несмотря на приличные библиографические столбцы, числящиеся за ним. История долгая и не очень нынешнему поколению внятная, но намечалось на исходе шестидесятых такое приватное, изустное, вполне, кажется, профессиональное, но накрытое только на дюжину персон литературоведение, в котором Леонид Натанович Чертков (1933–2000) был, словами Хлебникова, «король беседы за ужином».²

Владимир Набоков скончался 2 июля 1977 года в Швейцарии. Предлагаемый вниманию читателя некролог был опубликован в парижском издании «Русская мысль» три недели спустя.³

Роман Тименчик

---

² Полная версия воспоминаний о Л. Н. Черткове опубликована в «Иерусалимском журнале» (2000, № 5) и в «Новом литературном обозрении» (2001, № 47).

³ Под названием «Русский писатель», 21 июля 1977. № 3161. С. 8.

Леонид Чертков

**«ФАКИР, ВЫРАСТИВШИЙ
ЖИВУЮ ВЕТВЬ В ПУСТЫНЕ»**

Горько писать некролог вместо статьи. Думается, в лице Набокова ушел (невзирая на все видимые отличия) последний представитель русской классической литературной традиции, в самостоятельности, несхожести ни с кем и в каком-то своеобразном правдоискательстве которого было что-то отдаленно роднящее его с Львом Толстым. И как последний представитель этой линии, он как-бы стремился договорить что-то о нашей жизни, недосказанное старшими ее представителями, добавить в писавшуюся всеми ими книгу что-то из не пережитого ими, из своего и своего поколения жизненного и душевного опыта. И уже кажется, что и англоязычие этого периода – это всего лишь отголосок традиционного англоманства старого дворянства.

К сожалению, интересная по-своему «Лолита» заслонила для многих лучшее, что он написал – и беспощадную (и одновременно поразительно лирическую) инвективу против всякого тоталитаризма, «Приглашение на казнь», и горечь и боль «Возвращения Чорба», и жестокость современной жизни, так остро переданную в «Камере обскура», и щемящие страницы об отце в «Даре», – и

многое-многое другое. Не хочется сейчас анализировать его творчество – о нем написано уже достаточно много. Хотя менее всего – на русском языке.

Хочется сказать именно об этом. Кажется, что именно в последние годы, когда его имя так прочно вписалось в контекст западной литературы, он все острее ощущал свою принадлежность к русской. Последние годы он, может быть, больше внимания, чем к своим новым романам, уделял комментарий к «Евгению Онегину», выискивая в нем все новые нюансы, переводу (и улучшению, переделке) своих прежних русских вещей. На основании одного недолгого разговора с Набоковым в прошлом году автор этих строк может сказать, что писатель до конца болезненно ощущал фактическую свою непризнанность соотечественниками.

Дело даже не в том, что советская критика игнорировала его вообще, а в эмигрантской еще с 30-х годов установилось какое-то настороженно-недоброжелательное к нему отношение (были, разумеется, и исключения). Писатель с мировым именем с какой-то почти детской обидой вспоминал, как его наставник в Тенишевском училище Владимир Гиппиус жестоко высмеял какое-то его юношеское стихотворение, как Андрей Белый («Петербург» которого он так любил) не заметил его в берлинском кафе. Дело, повторяю, не в этом. Он не мог не чувствовать, как в разъединенности и заброшенности эмигрантского бытия он все более теряет своего русского читателя, и он все более и более мастерски замыкал свою душевную боль (которая оставалась, в сущности, все той же – начиная с его первых таких обнаженных рассказов) в непробиваемую броню парадоксов, перифраз и каламбуров, достигая здесь уже совсем неподражаемой виртуозности, поражая ими уже не своих, а чужих.

В лучшем своем стихотворении «Слава» («Да, это хорошее стихотворение», – сказал он тогда в разговоре), говоря все о том же – о своей любви к родине (с воцарившимся режимом, в которой он неуклонно отказывался примириться, – «Еще не сыт разлукой», как он писал в другом своем стихотворении), он сам сравнивал себя с факиром, вырастившим живую ветвь в пустыне. И хочется надеяться, что когда-нибудь эта выращенная им ветвь привьется к тому стволу, от которого побег ее был однажды насильственно отторгнут.

